

ДЕВЮ

«Не имеет смысла стыдиться своего прошлого — особенно сегодня, 35 лет спустя. Напротив! Вера в утопию, вера в фантазеров, способных захватить политическую власть, — отнюдь не первородный грех!»
 Бернардо Бертолуччи — Газете

«Я впервые ощутил желание стать отцом»

Бернардо Бертолуччи — Газете

Бернардо Бертолуччи: «Я снимаю фильмы о том, что переживаю в настоящий момент, стараясь не слишком ударяться в философию»

Какой цели вы хотели достичь, снимая «Мечтателей»?
 Я бы хотел, чтобы этот фильм познакомил двадцатилетних мальчиков и девочек — точно таких же, как главные герои картины, — с эпохой, богатой сильными переживаниями, от которых никто в те годы не хотел, да и не мог, спрятаться. Времена, о которых их родители предпочли забыть: стереть из памяти и скрыть от собственных детей. А ведь молодые в ту эпоху обладали куда большей свободой, большими надеждами и возможностями во всем, что касалось будущего, нежели их отпрыски, вынужденные искать свои надежды в идиотских телешоу. Я в самом деле надеюсь, что они поймут: без идеологии невозможно заниматься политикой, а без политики никогда не построить лучшего будущего.

Непосредственно перед «Мечтателями» вы сняли короткометражный фильм, который вошел в международный проект «На десять минут старше: виолончель» (эта картина выйдет в России вскоре после премьеры «Мечтателей». — Газета). Похоже, этот маленький фильм демонстрирует ту связь между прошлым и будущим, которая всегда присутствует в ваших фильмах; чувствуется в нем и влияние Пазолини. Безусловно. Действие этой черно-белой короткометражки с Валерией Бруни-Тедески в главной роли отнесено в 1960-е, а посвящена она встрече различных культур. История любви между молодой итальянкой и парнем из Бенгалии следует во всех нюансах моей картине «Осажденные», в которой африканка влюбилась в молодого англичанина пианиста. Та история, впрочем, имела место в Риме. Здесь, напротив, местом действия стали живописные римские пригороды, деревенский мир, так любимый упомянутым вами Пазолини...

Все короткометражные фильмы, из которых состоит альманах «На десять минут старше», объединены общей темой — наблюдением за механизмом времени. Что именно заинтересовало вас в этом сюжете?
 Кинематограф всегда говорит о времени — даже когда кажется, что его темой стало что-то другое. Кокто говаривал, что «кино — это единственное искусство, показывающее работу смерти». Так или иначе на съемках этого маленького фильма, в декабре 2002-го, я вспоминал о тех чувствах, которые легли в основу моего второго фильма — «Перед революцией». Тогда я еще жил в Парме... В том фильме я рассказывал похожую историю, герой которой после тяжелого и утомительного пути открывал для себя новый мир.

В последние годы вы в своих фильмах отказались от актуальных мотивов, существенно исследуя вопросы собственно творческие. Как далеко вы продвинулись в своих исследованиях?
 Если честно, то я снимаю фильмы о том, что переживаю в настоящий момент, стараясь не слишком ударяться в философию. На съемочной площадке я не задаюсь вопросами стили — некоторые из них приходят мне на ум лишь после окончания съемок. Почему, к примеру, в «Мечтателях» я вернулся к темам, волновавшим меня давным-давно? Потому что чувствовал, что в последнее время в мире происходят события, неуловимо напоминающие мне о конце 1950-х — начале 1960-х. О тех временах, когда я формировался как художник. В те времена французская «новая волна» мечтала обновить правила, по которым снимаются фильмы, искала способы изменить не только кинематограф, но и весь окружающий мир.

Эта требовательность возвращается сегодня в творчестве молодых режиссеров — таких талантов, как Вонг Кар-Вай и Хармони Корин, или же кинематографистов, владеющих своим неповторимым художественным стилем, среди которых я мог бы назвать Ларса фон Триера и Дэвида Линча.

С чем связано ваше решение вернуться в Италию, принятое в середине 1990-х?
 Я поставил три фильма, следуя правилам так называемой «Большой индустрии» и учитывая интересы широкой публики, — «Последний император», «Под покровом небес» и «Маленький Будда». Три фильма, которые кто-то называет «американскими»... и ошибается. К примеру, «Последний император» был абсолютно итальянским фильмом. Быть может, он прятался за личиной американского фильма, но этой картиной я бросил вызов Голливуду. Бросил вызов и, как мне кажется, победил. После трех фильмов я почувствовал неодолимое желание вернуться домой, в Италию. Но еще сильнее мне хотелось вернуться к более простой кинематографической форме, которая не была бы столь тесно связана с тотальным контролем со стороны продюсеров. Я хотел попробовать вновь сделать то, с чего начинал как режиссер, то есть работать с гораздо меньшей съемочной группой и преследовать более скромные цели. Вот и все. Я согласился сделать такой фильм, как «Ускользящая красота». И мне было легко, даже приятно во время съемок «Осажденных» — а ведь у меня было очень мало денег и всего 28 съемочных дней. Рекорд, который мне вряд ли доведется побить.

Каковы ваши планы на будущее?
 Я хотел бы снять фильм о жизни Джезуальдо ди Веноза, автора пятисот мадригалов. Потрясающий и мало кому известный композитор и музыкант, от которого был без ума Стравинский. У меня даже есть название — «Рай и ад», но пока что я довольствуюсь общими идеями и не приступил даже к написанию сценария.

газета

замечтавшийся

Бернардо Бертолуччи родился ровно 64 года и 1 день тому назад в Парме. Окончил Римский университет, вскоре получил известность как поэт. После, не оставив литературы, Бертолуччи переметнулся на сторону кинематографа. Он начинал ассистентом на первых фильмах Пьера Паоло Пазолини и вскоре разродился собственным дебютом, картиной «Костлявая кума» (1962). Пиком карьеры Бертолуччи считается рубеж 60—70-х, когда он поставил «Стратегию паука» (1969) и «Конформиста» (1970), хотя большую известность получили следующие фильмы режиссера: скандальное «Последнее танго в Париже» (1972) и эпохальный «Двадцатый век» (1977). В конце 80-х он снял несколько фильмов в США («Последний император», 1987, «Под покровом небес», 1990, «Маленький Будда», 1993), после чего вернулся в Италию и к истокам творчества в «Ускользящей красоте» (1995). Его «Мечтатели» (2003) стали одним из главных событий прошлого Венецианского кинофестиваля. В них Бертолуччи остается верен своей стилистике, балансируя на грани между коммерцией и интеллектуализмом.

01 стр Но похоже, что современная молодежь значительно меньше интересуется политикой, чем предшествующие поколения.
 Вы правы. Сегодня люди не ощущают настоятельной нужды в том, чтобы придерживаться тех или иных политических убеждений. Раньше это было не просто нуждой, но страстью, горячим энтузиазмом, сжигающим человека изнутри. Один из моих фильмов середины семидесятых годов назывался «XX век» (фильм 1977 года. — Газета). В те времена нас, кинематографистов, многое объединяло с публикой, рвавшейся в кинотеатры на наши фильмы. Социальное напряжение перерастало в своего рода «внутреннюю температуру», назовем это так. Она нас жигала, заставляла не останавливаться на полпути, искать способы самореализации, защищать свои права, желания, сны и мечты. В наши дни, увы, эта температура значительно снизилась, и все мы остыли.

Поэтому вы и решили напомнить о тех годах «Мечтателями»?
 Да, именно так. Прежде всего я снял этот фильм для того, чтобы дать понять людям, пережившим те далекие события, что не имеет смысла стыдиться своего прошлого — особенно сегодня, тридцать пять лет спустя. Напротив! Вера в утопию, вера в фантазеров, способных захватить политическую власть, — отнюдь не первородный грех! Кроме того, я делал «Мечтателей» с целью объяснить сегодняшним мальчикам: те годы вовсе не были напрасной войной. Та свобода, в которую они с удовольствием играют сегодня, — наследие 1968-го. Главная проблема современного поколения в том, что ему недостает памяти о минувшем, не хватает коллективной сознательности. Однажды несколько молодых людей уверовали в то, что вечером они лягут спать, а с восходом проснутся в изменившемся мире. Они и вправду были мечтателями. Но их желание изменить мир улучшило нашу жизнь. И повлияло на жизнь наших детей.

Воспроизводя уникальную атмосферу событий 1968 года, ваш фильм становится еще и данью почтения кинематографу той эпохи.
 «Мечтатели» являются манифестом трех связанных друг с другом утопий, вы сами

назвали их в начале нашего разговора: политика, секс и кинематограф. В ту эпоху считалось нормальным жить под властью утопий. Сексом тогда занимались с учетом политических убеждений, а любовью поход в кино был эротичен; спорить о политике и заниматься любовью было кинематографично. Но, повторяю, я не собирался ни преподавать уроков истории, ни снимать ностальгическую хронику 1968-го. Скорее я попытался воссоздать климат неповторимой эпохи — красоту весеннего пробуждения чувств, красоту родившихся в те дни политических манифестов. Тогда предметом жарких, провокационных дискуссий были убеждения старшего поколения, от которых не оставалось камня на камне; молодые люди думали лишь о том, как открыть для себя неизведанные удовольствия — и эротические, и кинематографические. Вечера в парижской Синемаатеке стали для тысяч тогдашних молодых людей незабываемыми.

Вы были в их числе, не так ли?
 В «Мечтателях» есть легко читаемые цитаты из фильмов, которые я обожаю в те годы. Такие, как «Отдельная бан-

да» Годара, «Mouchette» Брессона, «Ангел-истребитель» Бунозля. Но я сам открыл для себя тайную цитату, незаметную поначалу, когда съемки были в самом разгаре: из «Жюля и Джима» Франсуа Трюффо. Любовь, разделяемая троими, всегда шокирует, пусть так, но именно она позволила мне сблизиться на экране молодых людей тех времен с сегодняшними молодыми. Увидев перед объективом камеры моих актеров — Майкла Питта, восхитительную Еву Грин и Луи Гарреля, — таких нежных и неопытных, я впервые ощутил желание стать отцом и испытать чувства, похожие на отцовские...

Вновь обнаженные тела, вновь Париж... Вновь «Последнее танго»?
 Нет. Эти мальчики играют со своими телами, но их игры далеки от тех болезненных и близких к извращениям экспериментов, о которых я рассказывал в фильме с Марлоном Брандо и Марией Шнайдер. В «Мечтателях», напротив, секс становится инструментом романтического познания. Интимные связи никак не отягощены предчувствием смерти и другими мрачными ощущениями.